

Georgij Krasnow

Польский вопрос : pro et contra в русской поэзии середины XIX века

Acta Polono-Ruthenica 1, 23-28

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Georgij Krasnow
Kołomna

Польский вопрос. Pro et contra в русской поэзии середины XIX века

Обозначенная тема не новая в научных изысканиях.¹ Однако она, как и многие идеологизированные в прошлом темы, требует обновленного подхода. В прежних работах эта тема нередко оценивалась односторонне, с точки зрения Чернышевского, Герцена или Огарева.²

Польская ситуация 60-х годов была обоюдоострой, породившей известное противостояние и в массовом сознании. Публицист В.О. Михневич, наведавший Варшаву в 1880 году, заметил, что после революционного 1863 года произошло сближение лишь „на флангах” - между польскими и русскими революционерами, а также между русскими крепостниками и польской знатью. „Настало время, - писал он, - сближения умеренных середин на общечеловеческой почве.”³

Суждения В.О. Михневича - надежда на будущее и понимание прошлого, кризисной ситуации 60-х годов. Она отразилась и очень своеобразно в русской поэзии той поры.

Пропольские стихи в российской прессе были невозможны. Н. Огарев выразил отношение к польским событиям части русской эмиграции в стихотворении, написанном в духе агитационной поэзии декабристов, „Мысли россиянина при чтении указа о прекра-

¹ См. В. Białokozowicz, *Powstanie styczniowe w poezji rosyjskiej*, „Język Rosyjski”, 1962, № 5; К. Kardyni-Pelikan, *Kontakty literackie polsko-czeskie w dobie powstania styczniowego*, Wrocław 1975; *Польско-русские литературные связи*, Москва 1979; Д.Б. Кацнельсон, *Русские и польские стихи в записях участников революционных выступлений начала 60-х годов*, [в:] *Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.*, Москва 1970.

² Противоположная тенденция с реабилитацией М.Н. Муравьева проявилась в статье О. Айрапетова, *Утраченные иллюзии*, „Родина”, 1994, № 12.

³ В.О. Михневич, *Варшава и варшавяне*, Санкт-Петербург 1881, с. 14.

щении обязательных отношений крестьян к помещикам в западных четырех губернях и четырех уездах” (1863). В нем - политический акцент, мотив испуганного восстанием российского самодержца: „Ты пойми, царь-батюшка,/ Испугавшись ляха,/ Ты ведь за развязку-то/ Вдруг взялся со страха”.

В этом же духе сочинял стихотворные пародии карикатурист „Искры” и других сатирических изданий В.Р. Щиглев. Одна из них опубликована в ленинградском издании „Библиотека поэта” (Малая серия) лишь в 1968 году:

Скажика-ка, дядя, ведь недаром
 Патриотическим пожаром
 Охвачена страна?
 Штыки на солнышке искрятся,
 Отвсюду адреса стремятся,
 Катковы марсовски ярятся -
 Не будет ли война?

Другие его перепевы извлечены из архива Пушкинского Дома (Санкт-Петербург) и опубликованы в Варшаве проф. Базыли Бялокозовичем в 1977 году. Один из них - ироническая *Ода* (1863).⁴

В русской прессе критическая реакция на политику правительства, связанную с Польшей, проявлялась больше косвенно в полемике с М.Н. Катковым (статьи Ф.М. Достоевского в журнале „Время”, эпиграммы А.М. Жемчужникова и др.).⁵ А.В. Никитенко, заключая дневниковые записи 1863 году, с иронией писал о своих официальных обязанностях: „Вот я пишу академическую речь и должен, зажав нос, во всеуслышание восклицать: «сор славянский! пыль родная! слаще ты, чем мед и сот!»”⁶

Известно, что в русском поэтическом стане в откликах на польские события наиболее активен был Ф.И. Тютчев. И.С. Аксаков

⁴ *Dźwięki kruszonych oków. Polska w poezji rosyjskiej lat 1795-1917*, Warszawa 1977, с. 253; см. также: В.Б. Бикулич, *О русско-польско-литовско-белорусских связях периода восстания 1863-1864 гг.*, [в:] *Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.*, Москва 1965.

⁵ О Каткове, его деятельности в 60-ые гг. см.: С. Ванеян, *Катков М.Н.*, [в:] *Русские писатели. 1800-1917. Библиографический словарь*, т. 2, Москва 1992.

⁶ А.В. Никитенко, *Дневник*, т. 2, Москва 1955, с. 190.

в своей *Библиографии Ф.И. Тютчева* (1886) выделял и его стихи, дающие отповедь „крестовому походу” на Россию „всей Западной Европы”. В.А. Твардовская в работе *Тютчев в общественной борьбе пореформенной России* отмечала, что поэт „[...] всемерно поддерживал политику диктатора М.Н. Муравьева в Литве и пропагандировал ее всеми, в том числе и поэтическими средствами”.⁷

Однако один лишь поэтический акцент невольно затемняет ведущие в лирике Тютчева философские мотивы. Стихотворение *Ужасный сон тяготел над нами...* (август 1863) выражает ужас от состояния всего мира: „И целый мир, как опьяненный ложью...”, „Всемирный клич к неистовой борьбе...” Катаклизм, охвативший вновь всю планету. Поэт переживал это же состояние в годы Крымской войны: „Созрела жатва, жнец готов,/ Настало время неземное...”/ „не целый мир, но целый ад/ Тебе грозит ниспроверженьем...” (*Теперь тебе не до стихов...*).

В политическом отклике 1863 года более широко звучит тютчевский мотив „Жизнь - бой”: „Нет, никогда так дерзко правду божью/ Людская кривда к бою не звала...” Концовка стихотворения: - „Мужайся, стой, крепись и одолей!” - продолжение этого же мотива. Ср. в стихотворении *При посылке Нового Завета* (1861): „И рано с жизнью беспощадной/ Вступила ты в неравный бой”. И в другом (*Играй, покуда над тобою...*, 1861): „Играй с людьми, играй с судьбою,/ Ты - жизнь, назначенная к бою...” Роковой 1863 год взорвал, сделал осязаемым драматизм человеческой судьбы.

Мотив сна, которым начинается стихотворение 1863 года, в лирике Тютчева олицетворяет внезапное прозрение, провидение. Тому много примеров. В знаменитом стихотворении *О вещая душа моя...*: „Твой день - болезненный и страстный,/ Твой сон - пророчески-неясный,/ Как откровение духов...” В цитированном уже *Играй, покуда над тобою...*: „О, вспомни и про время это,/ Как о забытом до рассвета,/ Нам смутно грезившемся сне”.

Явная амбивалентность названного мотива, неразрывные сон и явь, конкретное состояние души, вечное противоборство, особенно в „минуты роковые”. В послании *Е.Н. Анненковой* (1859) высказан исход тютчевской символики сна:

⁷ *Литературное наследство*, т. 97, кн. 1, Москва 1988, с. 147.

Проснулись мы - конец виденью,
Его ничем не удержать,
И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обреченных заключенью,
Жизнь обхватила нас опять.

Более скрыто, чем у Тютчева, польский вопрос отразился и у других поэтов России. У Я. Полонского - свое апокалипсическое стихотворение 1864 года *Век* („Век девятнадцатый - мятежный, строгий, век...”). Имеются в виду, по всей вероятности, войны, в которые была втянута Россия, события 1848 года, польские события 1830 и 1863 годов. 1863 год в этой исторической цепи стал для Полонского кульминационным, с драматическим финалом. Диктат „века” в судьбе „бедняжки-человека” создает катастрофическую картину мира, вселенной. Есть ли выход? На этот вопрос Полонский по существу отвечает стихотворением *Одному из усталых* (1863):

Природа не умеет утешать
И ничего не делает природа
С таким отшельником, которому нужна
Для счастья законная свобода,
А для свободы - вольная страна.

Так или иначе поэтическое утверждение Полонского относится к каждой стране и ее народу.

Иносказательный смысл имеет стихотворение Полонского того же года *Чтобы песня моя разлилась как поток*.

Намеки, косвенные мотивы, содержащие отзвуки „мятежного” века, печального 1863 года, характерны для русской поэзии того времени. Стихотворение Некрасова *Пожарище* (1863), несмотря на локальную поэтическую зарисовку, задевает общую ситуацию: „Только повсюду еще украшающий/ Освобожденную Русь православную/ Столб уцелел...” В этих стихах своя амбивалентность: „Освобожденная” (реформы и др. общественные последствия) и „Русь православная” - ирония, спрятанная в риторике. „Кутузов нахмуренный”, „Блюхер бессменный”, „бок Забалканского” - портретные детали, приметы той же риторической публицистики. Концовка

стихотворения напоминает и совершившееся и совершаемое: „И на остатках жилья погорелого/ Люди, как черви на трупе, копошатся...”

Составитель, комментатор вышеупомянутой антологии *Польша в русской поэзии 1795-1917 гг.* справедливо включил в нее также стихотворение Некрасова *Благодарение господу Богу...* (1863) о дороге, „проторенной цепями”, освещающей „тени погибших людей” („Едем мы, братец, в крови по колени!”), среди которых были и русские, и поляки. Поэт демократического направления И.И. Гольц-Миллер в стихотворении *Когда же?* (1863) спрашивал:

Когда ж, когда настанет век
Свободы, разума, любви
И перестанет человек
Бродить, как дикий зверь, в крови?

Ни конъюнктурная поэзия, ни перекликающаяся с ней публицистика не давали быстрого ответа на этот крик души. Н.Н. Страхов в заключении напугавшей в свое время официальные круги России статьи *Роковый вопрос* (1863), уважая здоровое в польском менталитете, веря в духовную жизнь своего народа, не предвещал скорого преобразования исторической ситуации: „Русские духовные силы! где они?... А их развитие и раскрытие - оно требует вековой борьбы, труда и времени, и тяжелых усилий, слез и крови.”⁸

Польская тема в русской культуре, литературе, ее роль в осмыслении закономерностей истории, судеб России и Запада касается польской русистики и русской полонистики. Прав Рышард Лужны в оценке современных тенденций в филологии, обращая внимание на „[...] русистко-рутеническую компаративистику, иссле-

⁸ „Время”, 1863, № 4, с. 162. Отметим попутно небезосновательное размышление по поводу „злобы дня” Ап. Майкова, высказанное им в письме Ч. Валиханову от 10 февраля 1863 г.: „[...] я не мог и не могу встать сам ни в каком лагере. Да поэту, ей-богу, и не следует, ибо поэт есть вместе и философ - это результат всего прожитого человечеством; все явления дня - он должен знать их смысл и смотреть на них как на явления, повторяющиеся всегда и везде в истории в известный период общественной жизни”, „Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год”, Ленинград 1977, с. 115.

дования новой и новейшей литературы всех, не только официальных оборотов.”⁹

⁹ Р. Лужны, *Русская литература - древняя, классическая, новая - в культурном прогрессе Польши 80-90-х гг. XX века*, „Przegląd Rusycystyczny”, 1994, № 1-2, с. 14.